

© 2004 г. В.Х. Акаев

НАКШБАНДИЙСКИЙ ШЕЙХ ДЕНИ АРСАНОВ

В период советской власти отношение к чеченскому шейху Дени Арсанову всегда было негативным, хотя в разные годы оно приобретало некоторые смысловые нюансы. Так, в начале 70-х гг. XX в. шейх Дени Арсанов наряду с Али Митаевым, Юсуп-Хаджи Кошкельдинским, Н. Гоцинским, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайским и Узун-Хаджи был отнесен к числу «ярких врагов Советской власти» [1]. В середине 80-х гг. о шейхе Дени написано, что он «призывал чеченцев поддерживать контрреволюционную предательскую деятельность миллионера Чермоева» [2, с. 17]. Как видим, последнее высказывание несколько отличается от первого, хотя суть их одна и та же. С позиций современного отечественного идеологического плюрализма эти «смертельные» высказывания приобретают иной смысл, и звучат чуть ли не как похвала тому, против кого они были направлены. В стране, где ныне в качестве общественной системы строится капитализм, причем в его самых диких проявлениях, негативное отношение к советской власти воспринимается как заслуга.

Исследователи, обращающиеся к истории и особенно к такой тонкой материи, как обычаи, традиции, духовная культура этноса, не должны подходить с позиций субъективизма, предвзятого отношения. Очень часто принципы объективности, точности и справедливости в ходе воспроизведения исторического, социокультурного события игнорируются в угоду политической конъюнктуре, сиюминутным идеологическим установкам. Часто такую методологию применительно к изучению событий прошлого и настоящего, культурных особенностей чеченцев демонстрируют некоторые государственные деятели, политики, а также обслуживающие их журналисты и ученые.

В этой связи актуализировалась задача объективного отражения исторических и современных процессов, связанных с бытием чеченского народа.

В традиционном чеченском обществе институт шейхизма занимает важное место в духовной культуре чеченского этноса. В советский период этот институт подвергся ликвидации, хотя мюридизм, как специфическая форма его проявления, до сих пор продолжает сохраняться среди чеченцев. Живучесть последнего объясняется тем, что он коррелировал с системой общественного устройства чеченцев, которые не знали единовластия. Каждая локальная чеченская земледельческая община выдвигала своего духовного лидера, однако религиозный статус шейха мог получить тот, кто имел разрешение от общепризнанного суфийского наставника. Термины «шейхизм» и «мюридизм» не идентичны, хотя бы потому, что шейхов как таковых ни в Чечне, ни в Ингушетии сегодня не существует. А вот в Дагестане институт шейхизма сохранился и одним из нескольких действующих здесь шейхов является Саид Афанди Чиркейский –

последователь тариката шизалийа, практически неизвестного в Чечне. Кроме того, он обладает правом наставлять мюридов на путь накшбандийа, что является новым событием в религиозно-духовной жизни народов Северо-Восточного Кавказа. С этим обстоятельством чеченские ученые, изучающие суфизм, вообще не знакомы, во всяком случае в своих исследованиях об этом им не сказано ровным счетом ничего.

Что касается института мюридизма, то он в Чечне и Ингушетии успешно функционирует. Возникает вполне закономерный вопрос: что такое мюридизм? В журнале «Шпион» приведено такое определение: «Мюридизм – это наиболее реакционное течение в исламе, выдвигающее в качестве главного догмата изуверскую идею беспощадного истребления всех немусульман» [3]. Это чисто спекулятивное определение, оскорбляющее религиозные чувства последователей мюридизма, и его автор Г. Погребнов совершенно не владеет предметом, за освещение которого он взялся. Даже самые твердые атеисты советского периода никогда не позволяли подобного рода дефиниции, поскольку обладали элементарными знаниями о мюридизме, которые не позволяли им «опуститься» до подобной словесно-идеологической эквилибристики. Мюридизм никогда не призывал к «беспощадному истреблению всех немусульман». Мюридизм – это учение о пути (поиск пути), ведущем к Богу под руководством учителя (шейха), это идеология и практика освободительной борьбы горцев против колониальной политики России на Северном Кавказе.

В царское время немало духовных лидеров чеченцев подверглось арестам, ссылкам и казням, а в советское время их просто расстреливали. Среди них шейх Кунта-Хаджи, Алибек-Хаджи, шейх Бамат-Гирей-Хаджи, Элах-мулла, Доку-шейх, шейх Чим-мирза, Дени-шейх, Сугаип-мулла, Кана-шейх, Али Митаев и др.

В постсоветский период жесткому ostrакизму со стороны дудаевского режима, особенно «яндарбиевско-удуговской» и ваххабитской идеологии подвергалась народная память об отдельных шейхах. Их потомки объявлялись врагами народа, наймитами России, их пытались превратить в изгоев. В ходе военных действий в Чечне была учинена расправа над Ильясом, сыном шейха Дени, и над его окружением, что привело к гибели двух десятков молодых чеченских парней, состоявших в его охране.

Выявляя документы в архивах, собирая полевой этнографический материал, автор накопил немало сведений о жизни, деятельности и нравственно-религиозных воззрениях целого ряда чеченских шейхов. Многие материалы были изданы, а иные готовятся к публикации. В течение 10 лет по крупицам приходилось собирать сведения об одном из известных лидеров че-

ченского народа – шейхе Дени Арсанове. Но некоторые накопленные документы утеряны, что, несомненно, сказывается на качестве предлагаемого текста.

Шейх Дени Арсанов (мюриды его имя не произносят, называя таинственно Деде, что в суфийской иерархии означает «глава ордена», достигший высшей степени посвящения) является последователем тариката накшбандийа. Он относится к чеченской ветви накшбандийа, идущей от шейха Элах-муллы, который принадлежал к суфийскому братству аксайского шейха Абу (Башира). В ряде местных источников Элах-муллу относят к саясановской ветви накшбандийа, восходящей к шейху Ташу-Хаджи. Исследователь ислама в Чечне С.Ц. Умаров полагал, что мюридские братства Солса-Хаджи, Юсуп-Хаджи, Дени Арсанова, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайского, Абдул-Азиза Шаптукаева возникли на «основе распада мюридской общины Ташу-Хаджи» [2, с. 15]. Это утверждение нельзя признать корректным, ибо Элах-мулла принадлежал к аксайской ветви накшбандийа. Мы исходим из-того, что шейх Башир являлся учеником аварского шейха Абдурахмана ас-Сугури из Согратля, получившего иснаду (разрешение) на распространение тариката накшбандийа от самого Джама-лутдина Казикумухского, учителя и тестя Шамиля. Шейх Ташу-Хаджи права на проповедование тариката накшбандийа возможно получил от Мухаммада Ярагского, первого муршида Дагестана, давшего разрешение на распространение учения накшбандийа Джама-лутдину Казикумухскому.

Судя по некоторым источникам, Дени «родился в 1851 году в семье энгеноевца (энгеной – чеченский тайп. – В.А.) Тахиран Арсы из Зебир-Юрта» [4]. Он происходил из известной в Чечне семьи. По утверждению Дзахо Гатуева, исследовавшего шейхизм в Чечне в 1925 – 1926 гг., его дед был другом князя Бековича-Черкасского, а сын этого князя – вскормлен матерью Дени.

Отец Дени служил в царской милиции. В юношеские годы Дени был против того, чтобы его отец служил царю и настойчиво просил бросить службу. Но практичный отец, материально обеспечивающий своих детей, на это пойти не мог. За примерную службу он не раз награждался царскими медалями и крестами. Как-то, собрав все награды отца, Дени спрятал их в солому под навесом. Когда умер отец, он раздал их соседским детям.

В молодом возрасте у Дени складывались враждебные отношения с казаками из-за частых преступлений, совершаемых властями против чеченцев, хотя у отца по роду службы среди казаков имелось немало друзей.

В 1877 г. Дени участвовал в восстании Алибека-Хаджи Зандакского, и в течение 27 дней находился в боевых сражениях. Его взаимоотношения с царской властью всегда были напряженными, ему не раз приходилось принимать участие в стычках чеченцев с казаками. Нередко во главе небольших отрядов он совершал набеги против своих врагов. Известно, что еще в молодости предсказывал наступление некото-

рых событий. Готовясь к набегам, заранее сообщал, будет удача или нет. После ряда успешных предсказаний в народе его стали называть шейхом.

Царские чиновники пытались схватить Дени, а потому организовали охоту на него. Это обстоятельство вынудило перебраться на новое место жительства в аул Умахан-юрт, где он стал работать кузнецом.

Из Умахан-юрта Дени переехал в Кизляр, здесь, работая на полях помещиков, осваивал науку возделывания винограда. Позже вместе со своими дагестанскими «друзьями» он уезжает в Москву, где работает мастером по серебру. Часто человеческие пороки затмевают разум и толкают нравственно убогих людей на преступления. Возненавидев более искусного и удачливого Дени, «друзья» решили отравить его. Во время ужина ему в еду подсыпали яд, но он чудом остался в живых. После того как вылечился, он возвратился на родину и стал жить в Мекен-хуторе, где имел свой дом, а затем переселился в Кень-юрт. Там вместе со своими друзьями и мюридами соорудил мост. Необходимость в том была исключительно острой. Чтобы перебраться на другой берег глубоководной реки людям нужно было идти в обход, тратя много времени. А построенный мост значительно сокращал путь. В народе его так и называют «Деде тIай», т.е. «мост Деде». В его жизни важное место занимала благотворительность. По этому поводу о Дени люди и поныне рассказывают легенды.

Дени слышал о шейхе Элихан-Чанти из Шедаярта, который, как утверждают архивные источники, был настроен к нему враждебно. Думается, что такое отношение со стороны этого миролюбивого шейха было вызвано дерзким характером Дени, всегда сводившего счеты с обидчиками. Элах-шейх, придерживающийся аскетизма, призывавший народ к миру и спокойствию, проявлял недовольство по поводу поступков своего будущего ученика. В то же время он понимал, что действия Дени были реакцией на политику царизма, угнетающего через офицеров, помещиков чеченское крестьянство. Мужество, мастерство, готовность прийти к людям на помощь снискали ему всеобщее уважение.

Дени постепенно сблизился с шейхом Элахом-муллой, что привело к тому, что он вместе с Докку-шейхом (Абдул-Азиз Шаптукаев) получил от него право на распространение тариката накшбандийа. Образовавшиеся от них две ветви накшбандийа до сих пор бытуют в Чечне на основе собственных уставов, обладая организационными структурами.

Шейх Элах-мулла являлся признанным алимом среди чеченцев, а в конце Кавказской войны избирался председателем Мехк-Кхела (Совета страны). Многие годы он исполнял обязанности кадия в ауле Новые Атаги. Как-то царский подполковник Шида Эльмурзаев, владелец больших земельных угодий в селе Девкер-Эвла (нынешнее селение Толстой-юрт. – В.А.), решил посоветоваться с уважаемым шейхом. Пригласив его к себе, он выложил перед ним кучу золота и спросил, как ему доходнее использовать это богатство. Элах-мулла посоветовал, чтобы царский офицер

третью часть золота использовал для оказания помощи бедным, сиротам, на строительство школ, мостов и дорог. Посчитав такой совет дерзостью и неуважением к себе, высокомерный офицер заявил, что он копил богатство не для раздачи нищим.

Через некоторое время золото подполковника было похищено. По настоянию офицера шейх Элахмулла, совершенно непричастный к этой краже, был арестован. Несмотря на то, что вину шейха не удалось доказать, его осудили на 10 лет и в 1884 г. сослали в Одессу. Это откровенно несправедливое наказание было вынесено, чтобы убрать из Чечни справедливого и принципиального религиозного деятеля. Шейх умер в ссылке, а подполковник Шида Эльмурзаев и следователь, расследовавший дело о краже золота, были убиты. В Девкер-Эвла были стянуты два батальона пехоты, два эскадрона драгун, обезоружившие жителей и наложившие на село штраф в пользу семьи убитого офицера, а также подвергшие этот аул четырехмесячной экзекуции [5]. Командующий войсками военного округа Дондуков-Корсуков потребовал выдать убийцу, но это требование не было выполнено. Подозрение пало на Дени Арсанова. Как сообщает осетинский исследователь шейхизма в Чечне Д. Гатуев, Дени «арестовали, а затем освободили, боясь, что и на них могут быть покушения». На самом же деле освобождение произошло, поскольку причастность Дени Арсанова к происшедшим убийствам не была доказана.

Живя и работая в Кень-юрте, Дени говорил, что царя свергнут, и народы Кавказа от него освободятся. Когда грянула русско-японская война, он сообщал народу, что скоро начнется революция, которая охватит все страны.

В 1905 г. Дени купил дом в Грозном, куда переселился со своей семьей и мюридами. Он построил дом в Гехах, разбил сад и здесь продолжал общественную благотворительность, раздавал бедным милостыню, строил мосты и дороги. Его дома всегда были открыты для людей, они находили в них гостеприимство. В деятельности Дени основное место занимало примирение ссорящихся и кровников. Со всех уголков Чечни и Ингушетии народ в поисках доброго совета, защиты и примирения стекался к нему, высокий авторитет в народе вызывал зависть у социальной верхушки чеченцев. В одном из источников отмечалось, что «богачи были против него, доносили начальству о его деятельности как о вредной, а бедняки верили ему и избирали его».

Московский этнограф Я. Чеснов пишет, что в 1905 г. Дени Арсанов предсказывал высылку чеченцев [6, с. 101]. Не совсем ясно, о какой высылке идет речь? Часто московские исследователи, работающие с местным материалом, не утруждая себя тщательным изучением фактов и сопоставлением их, делают поспешные выводы, которые искажают истину. Такой «грех» наблюдается и за названным выше исследователем.

В ходе первой мировой войны, в 1915 г., группа чеченских мулл и офицеров, в числе которых находились Деде, Джанар-Али-мулла, полковник Адуев,

Джамал-Эддин Шерипов и др., отправилась в Тифлис к наместнику Кавказа с жалобой на античеченские действия местных органов. Как рассказывал мулла Джанар-Али, чеченская делегация не застала в Тифлисе наместника. Ожидая его приезда, чеченцы часто собирались в гостинице и обсуждали будущее своих детей-офицеров. Некоторые видели их на службе царю. Дени, вмешавшись в их рассуждения, заметил, что напрасно они беспокоятся об их будущем, поскольку после окончания войны в России царя не будет.

Полковник А. Адуев и Джамал-Эддин Шерипов на слова Дени ответили: «Напрасно ты говоришь это нам. Такие вещи говори своим мюридам!» Тогда Дени обратился к мулле Джанар-Али и потребовал: «Пиши, такого-то числа, такого-то года Николай будет свергнут». Это предсказание шейха сбылось. Ненавистного царя свергли, а шейх Дени разъезжал по селам и извещал об этом свой народ.

Шейху Дени принадлежат высказывания, характеризующие его мировоззрение: «Вместо того чтобы тратить деньги на хадж в Мекку, лучше укрепить свое хозяйство. Моленьем не спасешь человека. Необходимо молиться ровно столько, сколько заповедал пророк. Лучше лишней молитвы поработать над своим хозяйством. Никогда не будет шейхом тот, кто сидит в яме. Сумасшедшим в ней можно стать, а шейхом – нет». В этих высказываниях и поучениях Дени Арсанова просматривается его рациональность и прагматичность, в чем очень нуждались чеченцы в условиях укреплявшегося в крае капитализма. Будучи хорошим коммерсантом, он был лишен фанатизма, демонстрировал трезвость и практичность.

Ему часто приходилось выступать в роли миротворца, особенно, когда вопрос касался примирения кровников. Не было случая, чтобы он не смог примирить враждующие между собой семьи горцев. Поэтому для разрешения тяжелых конфликтов многие чеченцы или ингуши обращались именно к шейху Дени Арсанову. Так было и тогда, когда возник конфликт из-за земли между чеченскими обществами атагинцев и вارانдинцев. При непосредственном участии шейха Дени Арсанова этот конфликт был разрешен.

События после февральской революции в России привели в движение угнетенные царизмом народы. Бурные политические события разворачивались и на Северном Кавказе. Так же как и перед другими народами Кавказа, перед чеченцами стоял вопрос об их будущем и политическом устройстве.

В апреле 1917 г. в Грозном прошел съезд чеченского народа, в котором приняли участие Ахмед-Хан Мутушев, Тапа Чермоев, Таштемир Эльдерханов, Сугаип-мулла Гойсумов, Дени Арсанов, Абдул-Ваххаб-Хаджи Дидимов. На нем был избран Чеченский национальный комитет, его председателем стал социал-демократ Мутушев, окружным комиссаром – Эльдерханов. Национальный совет чеченцев признал власть временного правительства и его комиссаров на местах. Вскоре на почве углубления противоречий между национальной интеллигенцией и духовенством Т. Эльдарханов уступил свой пост Дени Арсанову.

Съезд чеченского народа избрал делегацию от Чечни на съезд народов Северного Кавказа в составе А.-М. Чермоева, А. Мутушева, Сугаипа-муллы, шейхов Д. Арсанова и А.А. Шаптукаева, Т. Эльдерханова, М. Кадырова, Э. Алиева и др., проходившего 1 – 10 мая 1917 г. во Владикавказе в театре «Гигант». Его организаторами была горская социал-демократическая интеллигенция, бывшие офицеры царской армии и мусульманское духовенство. Обсуждался вопрос о будущем политическом устройстве горских народов Кавказа, освободившихся от царского колониализма. Газета «Революционный горец» писала, что делегаты горских народов поклялись в верности друг другу и взаимной поддержке и избрали временный исполнительный комитет Союза горцев [7]. При обсуждении политического устройства будущего края представители горской интеллигенции высказывались за светское государственное образование, в то время как духовенство предлагало шариатский путь. Стронниками шариатизации были Дени Арсанов, Сугаип-мулла, Абдул-Ваххаб Аксайский, принимавшие активное участие в работе съезда, оказывавшие религиозно-политическое воздействие на национальную интеллигенцию.

Со стороны отдельных религиозных деятелей Дагестана осуществлялись попытки возрождения имамата Шамиля, для этих целей был разработан соответствующий план, за реализацию которого взялись такие религиозные авторитеты Дагестана, как Узун-Хаджи и Н. Гоцинский [8].

Представитель накшбандийа шейх Узун-Хаджи (аварец по национальности) создал в горной части Чечни и Дагестана Северокавказское эмирство. Это эфемерное государственное образование, существовавшее в 1918 – 1920 гг., с победой большевиков на Тереке перестало функционировать.

Добиваясь осуществления своих претензий на имамство, Гоцинский пытается реализовать свой план. Нуждаясь в поддержке чеченского духовенства, он встречается с чеченскими религиозными авторитетами. 2 августа 1917 г. в горном дагестанском ауле Андии Гоцинский заявил, что на озере Кезеной-Ам на своей бурке он совершит намаз. Многие поверили словам «святого» и ожидали от него этого чуда. И только Дени Арсанов потребовал, чтобы Гоцинский исполнил сказанное. Но тот не спешил с демонстрацией своей святости. Тогда Дени, ткнув конец кнута в живот новоявленного «имам», заявил, что он своими действиями собирается нанести вред (зулум – чеч.) чеченскому народу. По мнению Х. Ошаева, шейх Дени Арсанов сыграл решающую роль в том, чтобы Гоцинского не избрали имамом Дагестана.

Пророчества Дени сбылись. В 1920 – 1921 гг. Гоцинский возглавил повстанческое движение народов Нагорного Дагестана против Советской власти [9]. Другим руководителем этого восстания являлся Саидбек Шамиль (внук Шамиля). Это восстание было жестоко подавлено, погибло много горцев, были разрушены и сожжены десятки чеченских аулов. Внук Шамиля, прибывший из Турции, сбежал обратно. Го-

цинский скрывался в горах южной Чечни (Дзунсое), подвергая опасности тех, кто его укрывал. Чекисты арестовывали мужчин, женщин, детей, требуя выдачи врага Советской власти. Чтобы прекратить террор чекистов, Гоцинский сдался властям, а в 1925 г. был расстрелян в Грозном в подвале здания ОГПУ.

С уничтожением царизма и отсутствием твердой власти в Чечне участились случаи столкновений между казаками и чеченцами, что резко обострило межнациональную ситуацию в Грозном. 12 декабря 1917 г. казаки при участии некоторых грозненских большевиков учинили погром чеченцев, в ходе которого погибли безвинные люди. В чеченских селах поднялась волна возмущения, раздавались голоса о необходимости отомстить за погибших единоверцев. Распространялись слухи, что вооруженные чеченцы готовят нападение на город.

Понимая, что в Чечне может вспыхнуть междоусобная война, Дени Арсанов в сопровождении 53 мюридов из с. Девкар-Эвла спешно отправился в Грозный с миротворческой целью. Там он имел дружеские отношения с известными представителями казачества, которые часто обращались к нему по вопросам споров с чеченцами. 27 декабря 1917 г., прибыв в Грозный, шейх встретился с милицией и начал переговоры, а затем в сопровождении грозненских казаков и своих мюридов отправился в казачье правление станицы Грозненской, что располагалась в районе нынешнего железнодорожного вокзала в Грозном. Но вскоре был окружен казаками белогвардейского атамана Зайцева. От Дени и его мюридов потребовали разоружения. На это шейх ответил, что чеченцы никогда не складывали оружия перед лицом своих врагов. Со стороны атамана Зайцева прозвучал выстрел. Разгорелся жестокий бой, в котором погибли шейх и более 30 его мюридов. Я. Чеснов, отмечая, что Дени Арсанов был убит в 1918 г. в стычке с казаками [6, с. 101], допускает фактическую ошибку, ибо дата смерти шейха все-таки 27 декабря 1917 г. Часть мюридов Дени Арсанова с боем прорвалась к селению Новые Алды, где они рассказали жителям подробности произошедшей трагедии. Тела шейха и его мюридов остались на месте гибели и в течение двух месяцев казаки не выдавали труп шейха Арсанова.

Коварство казаков всколыхнуло всю Чечню. В чеченских селах в спешном порядке собирались вооруженные отряды, чтобы напасть на Грозный. 7 января 1918 г. Ахмед-Хан Мутушев в селении Старые Атаги провел переговоры с прибывшими к нему белогвардейцами. Они требовали «выдать всех русских офицеров, находящихся в Чечне в качестве инструкторов милиции; обмениваться пленными, при чем за Дени-Шейха Арсанова требовали выдачи 12 пленных; исправить полотно железной дороги; выпустить с оружием веденский гарнизон и укрепление Ведено уничтожить» [10].

В народной памяти сохранилась версия, что за вызволение трупа авторитетного в народе шейха взялся Али Митаев, сын шейха Бамат-Гирей-Хаджи. Али поручил своим преданным мюридам Исраилу, Магомеду и Вагапу взять в заложники офицера, на

погонах которого «большие золотые звезды». Как только Али Митаеву доставили белогвардейского офицера, он предъявил грозненским казакам ультиматум: если они не вернут ему труп шейха Дени, то получат труп офицера. Казаки потребовали три дня для размышлений. Тело шейха удалось получить. Когда Али спросили, чем объяснить его рвение в этом вопросе, он пояснил, что почитал шейха Дени как своего устаза*. Такое отношение основывается на суфийской традиции, согласно которой почитание шейха любого тариката – обязанность каждого мюрида.

Шейх Дени Арсанов похоронен на кладбище, расположенном в западной части селения Урус-Мартан, над его могилой возведен мавзолей, который более восьмидесяти лет продолжает оставаться местом паломничества его многочисленных мюридов из Чечни и Ингушетии.

Миротворческую политику, которую проводил Дени Арсанов среди чеченцев и казаков, во имя которой он геройски погиб, продолжил его старший сын Якуб Арсанов – царский офицер. 25 июля 1918 г. вместе с Ф. Буллем и Г. Ахриевым на переговорах с правительством Грузинской демократической республики он представлял правительство Терской области. С его участием было подписано соглашение, констатировавшее, что Грузинская республика и Терский Совет Народных Комиссаров никаких агрессивных намерений друг против друга не имеют. Кроме того, в ходе переговоров между этими политическими структурами достигается соглашение «по вопросу о гарантиях неприкосновенности территории Грузии» [11].

23 октября 1918 г. Якуб присутствовал на заседании горских фракций Терского народного Совета как представитель чеченской фракции. На нем обсуждался вопрос о необходимости объединения горцев между собой и с трудовыми массами всей России. Было организовано Бюро горских фракций, в его состав от чеченской фракции вошел Якуб Арсанов [12]. Из приведенных документальных эпизодов видно, что он самым активным образом работал в направлении отстаивания интересов чеченского народа, добиваясь контактов с другими народами Северного Кавказа, пытаясь укрепить с ними дружеские взаимоотношения.

Судьба Якуба Арсанова, подававшего большие надежды на поприще политики и дипломатии, также сложилась трагически. В 1920 г. большевики расстреляли его, обвинив в контрреволюции.

Многие мюриды шейха Дени Арсанова были сторонниками Советской власти, они принимали активное участие в борьбе против белогвардейцев. Мы не нашли сколь-нибудь убедительного доказательства того, что Дени Арсанов являлся «ярким врагом Советской власти». Им не было совершено какого-либо действия, принесшего вред установлению в Чечне Советской власти. Мы обращаем внимание на это, дабы подчеркнуть, что очень часто чеченских духов-

ных лиц изображали в качестве врагов, контрреволюционеров лишь за то, что они были более зажиточными, чем масса населения, имели иную точку зрения на общественное устройство своих народов, не соглашались с антирелигиозной идеологией власти.

После гибели шейха Дени Арсанова руководителем накшбандийской ветви «арсановцев» стал его сын Бахаудин. Судя по тексту документа «Возникновение мюридизма в ЧИАССР», хранившегося в архиве бывшего КГБ, «Арсанов Баутдин был красным партизаном и пользовался влиянием на своего отца. ...к началу Великой Отечественной войны Арсанов Баутдин стал влиятельным шейхом в Чечено-Ингушетии. В годы войны он проводил некоторую патриотическую работу, разъезжал по Чечено-Ингушетии и призывал население к борьбе против немецко-фашистских захватчиков. С помощью Арсанова был ликвидирован ряд участников банд на Северном Кавказе». За заслуги перед Советской властью шейх Бахаудин имел правительственные награды.

Однако чекисты не до конца верили «советскому шейху». В приведенном документе сообщается, что «поступали данные, что среди своих близких мюридов Арсанов заявил о неизбежности поражения СССР, предлагал им ждать прихода немецко-фашистских войск, уклоняться от призыва в Красную Армию и исполнения государственных повинностей и переходить на нелегальное положение». Разве могли те, кто однажды охарактеризовали шейха Дени «ярким врагом Советской власти», допустить, чтобы его сын не оказался с антисоветской, профашистской червоточинной? На самом деле в доносах на Бахаудина отсутствует сколь-нибудь доказательная база.

А между тем именно при непосредственном участии шейха Бахаудина и его родного брата Ильяса были арестованы и сданы органам Советской власти два немецких разведчика – Осман Губе и Ланге, орудовавшие в горах Северного Кавказа. Но об этом цитируемый чекистский документ умалчивает.

Заслуга Бахаудина Арсанова перед Советской властью неизмеримо выше, чем инсинуации чекистских агентов, приписываемые ему. Отчасти на это указывает тот же самый документ, отмечающий, что «в Казахстане Арсанов участвовал в проведении мероприятий по поднятию среди спецпоселенцев трудовой дисциплины, ликвидации нарушений режима и т.п.».

Известный чеченский поэт, исследователь истории и культуры чеченского народа А. Сулейманов писал: «Бауддин Арсанов во время выселения чеченцев и ингушей (в 1944 году и позже) спас жизнь десяткам тысяч людей – детей, женщин, стариков, которым угрожала опасность быть расстрелянными советскими войсками» [13].

Шейх Бахаудин Арсанов после сталинской ссылки вернулся на родину, где умер в начале 60-х гг., и похоронен рядом со своим отцом. Над его могилой благодарные мюриды возвели мавзолей, также служащий местом паломничества последователей вирда «арсановых».

*Эта версия мною записана со слов Ибрагима Исраилова, профессора ЧГУ, которую он слышал от своего отца Узун-Хаджи из селения Автуры.

Часто мы говорим, что история не знает сослагательных наклонений. И это – правда. Правда и то, что происшедшее невозможно переделать, а вот односторонние, субъективные оценки, ложные обвинения в адрес исторических личностей и целых народов, без сомнения, требуют пересмотра, переосмысления. Задача сложная, но идти к ее решению необходимо. Публикация о накшбандийском шейхе Дени Арсанове – скромный вклад на этом пути.

Литература

1. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 25.
2. Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
3. Шпион: Альманах писательского и журналистского расследования. 1994. № 2 (4). С. 25.
4. Духаев А. Плеяда шейхов из Надтеречья. Лаха-Невре, 1997. С. 29.
5. Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905 – 1907 гг. Орджоникидзе, 1938. С. 96.
6. Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
7. Революционный горец. 1918. 27 окт.
8. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.), Горская Республика (1918 – 1920 гг.): Документы и материалы / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 1994. С. 179.
9. Доного Х.-М. Последний имам // Родина. 2000. № 1 – 2. С. 167.
10. Горская жизнь. 1918. 17 янв.
11. Съезды народов Терека: Документы и материалы. Т. 2. Орджоникидзе, 1978. С. 42 – 43.
12. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН, ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 82 – 83.
13. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. С. 659.